

ИНТЕРВЬЮ

В этом году исполняется 20 лет с момента принятия Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Несмотря на то, что он до сих пор не вступил в силу, ДВЗЯИ остается одним из краеугольных камней режима нераспространения оружия массового уничтожения. Однако положение дел в этой сфере далеко не безоблачно, поскольку над режимом продолжает тяготеть груз неизжитых и новых проблем. Продолжающееся развитие военной ядерной программы Северной Кореи (которая провела очередные испытания ядерного взрывного устройства в январе этого года), отказ крупнейших мировых игроков, включая США и Китай, от ратификации договора и пренебрежительное отношение к этому документу со стороны ряда государств ставят этот важнейший международно-правовой инструмент под угрозу.

Эти и другие темы исполнительный секретарь Подготовительной комиссии Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний Лассина Зербо затронул в своем интервью главному редактору *Индекса Безопасности* Ольге Мостинской.

Лассина Зербо:

«ЕСЛИ ВОЗОБНОВЯТСЯ ЯДЕРНЫЕ ИСПЫТАНИЯ, МЫ ПОТЕРЯЕМ МЕЧТУ»

— **Какое именно устройство испытала КНДР? Можно ли утверждать, что это была водородная бомба, и что это означает с точки зрения развития ее ядерной программы?**

— В рамках Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) и Международной системы мониторинга главное для нас — не определить тип устройства, а установить, имело ли место испытание ядерного

оружия, поскольку через Договор мы стремимся запретить любые испытания, направленные на разработку или совершенствование ядерного оружия.

КНДР заявила о проведении испытаний, но еще до того, как было сделано заявление, мы заметили подозрительную активность в той части полуострова, которая обычно используется в качестве испытательного полигона. Впоследствии КНДР подтвердила ведение в том районе деятельности, обнаруженной нашей системой. Предварительный анализ показал, что данное событие аналогично имевшему место в 2013 г. не только с точки зрения места — район проведения испытаний был тот же, что и в трех предыдущих случаях, — но и с точки зрения магнитуды. Поскольку магнитуда была аналогичной или даже меньшей, чем в прошлый раз, некоторые эксперты считают маловероятным, что речь может идти о водородной бомбе. Любому ученому известно, что между атомной и термоядерной бомбой есть огромная разница в плане мощности, которой можно достигнуть, и в плане магнитуды вызванного взрывом землетрясения.

Однако первый наш вывод на основании имеющихся данных заключается в том, что имело место не природное явление, а взрыв. Сейчас мы ждем обнаружения радиоактивных изотопов, которые могли бы подтвердить, что речь идет именно о ядерном испытании. В проанализированных нами первых пробах уровень радиоизотопов находится в пределах нормы, но анализ проб продолжается. Вот что мы имеем на сегодняшний день.

— Придется подождать, пока ветер подует в направлении одной из станций, чтобы взять пробы воздуха?

— Воздушные потоки с полуострова уже дважды достигали первой станции на территории Японии — через 24 часа и 36 часов после объявленного испытания. В 2013 г. первые данные о выбросе радионуклидов были получены через 55 дней после того, как была зафиксирована сейсмическая активность. А в 2006 г. радиоактивные изотопы уже через 12 дней достигли не только Японии, но и Канады. По имеющимся данным, по прошествии 36 часов аномальных показаний зафиксировано не было. Однако это совсем не означает, что их не будет зафиксировано вообще. Радиоактивные изотопы должны попасть в атмосферу через трещины в земле, прежде чем их подхватит ветер. В данный момент ветер дует в направлении Японии, поэтому мы наблюдаем за этой конкретной станцией.

На ваш вопрос о том, была ли это водородная бомба и означает ли это, что КНДР усовершенствовала имеющуюся у нее технологию, отвечаю, что если мы позволим кому-то провести ядерные испытания один, два, три, четыре раза, то можно быть уверенным, что каждое из них будет способствовать развитию ядерной программы этой страны. Именно поэтому необходимо исключить саму возможность проведения испытаний, будь то атомной, водородной или любой другой бомбы.

— Примерно месяц назад, когда была зафиксирована подозрительная активность на испытательном полигоне, многие не верили, что очередное испытание состоится. Выбор даты испытаний был обусловлен политическими или техническими причинами?

— Я был в числе тех, кто не верил в проведение испытаний. Если помните, в начале декабря я заявил, что это, вероятно, блеф. В тот момент две Кореи вели переговоры и обсуждали возможность позволить жителям Севера увидеть своих братьев с Юга, поэтому несмотря на то, что в нашем распоряжении были спутниковые снимки, сделанные другими организациями, указывающие на перемещения на испытательном полигоне, я надеялся, что испытаний не будет.

Что касается даты, то с самого первого испытания и вообще при проведении любых других знаковых мероприятий корейские лидеры всегда использовали привязку к какому-нибудь историческому моменту, чтобы таким образом сказать международному сообществу: «Мы здесь. Не забывайте о нас». Насколько я знаю, последнее испытание было проведено за два дня до дня рождения лидера страны.

— **В качестве подарка ко дню рождения?**

— Может быть, а может, просто решили напомнить о себе международному сообществу. Очередное знаковое событие состоится в мае — первый за 35 лет съезд партии. Есть предположения, что если в этот раз испытания провалились, в мае они могут попытаться их повторить. Об этом сейчас пишут СМИ. Считаю, что этого нельзя допустить.

Международное сообщество ведет себя слишком пассивно по отношению к Северной Корее. По той или иной причине в приоритете другие вопросы — Сирия, Ирак, Иран. Против КНДР введены санкции, но насколько они эффективны? Куба находилась под санкциями более шестидесяти лет. Если по прошествии шести десятилетий не удалось заставить народ с чем-то согласиться, наверное, надо менять подход, начинать переговоры. Мы убедились в этом на примере Кубы и Ирана — невзирая на санкции, они смогли сесть за стол переговоров. Необходимо возобновить шестисторонние переговоры с корейцами, насколько бы сложным это ни казалось.

— **Для вступления в силу ДВЗЯИ должен быть ратифицирован еще восемь странами, в том числе США. Какие аргументы вы бы могли привести американским лидерам и законодателям, чтобы убедить их ратифицировать договор? Многие считают, что ратификация договора США стала бы мощным стимулом к его ратификации остальными странами из приложения 2.**

— Действительно, для вступления в силу договор должны ратифицировать еще восемь стран. Кто бы что ни говорил, я считаю, что в данном случае они все равны, ведь даже если наименее влиятельная страна из списка не ратифицирует договор, он не вступит в силу. Многие проводят различие между этими восемью странами. Единственное различие, которое вижу я, заключается в том, что две из этих восьми — постоянные члены СБ ООН — Китай и США, которые также являются государствами, обладающими ядерным оружием согласно Договору о нераспространении ядерного оружия. Ратификация ДВЗЯИ этими странами стала бы важнейшим шагом, подкрепляющим усилия международного сообщества по нераспространению ядерного оружия и разоружению. США и Россия заключили Договор о мерах по даль-

Ю
Ь
В
Р
Е
Т
Н
И

нейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений в 2010 г., мы приветствуем этот шаг, который в долгосрочной перспективе будет способствовать укреплению доверия. Но на этом нельзя останавливаться. США и Китай должны ратифицировать ДВЗЯИ. При этом они не обязательно должны быть первыми из списка. Ратификация договора любой другой страной *восьмерки* показала бы хороший пример американским и китайским политикам.

Мне бы хотелось, чтобы четвертое ядерное испытание КНДР — если информация о его проведении подтвердится — стало последним напоминанием международному сообществу о важности вступления ДВЗЯИ в силу. Международное сообщество должно начать вплотную заниматься решением северокорейского вопроса и вопроса вступления в силу ДВЗЯИ, так как это единственный способ предотвратить проведение новых ядерных испытаний — и не только Северной Кореей. Ведь после того, как договор вступит в силу, проведение испытаний повлечет за собой последствия.

— *Еще до проведения Северной Кореей четвертого ядерного испытания вы говорили, что следующим государством, которое ратифицирует ДВЗЯИ, может стать Израиль. Вы все еще так думаете? Если да, произойдет ли это в контексте создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения?*

— Я всегда утверждал, что создание зоны, свободной от ОМУ на Ближнем Востоке, тесно связано с созданием в регионе зоны, свободной от ядерных испытаний. Все ближневосточные страны, перечисленные в приложении 2, подписали ДВЗЯИ. Необходимо добиться ратификации ДВЗЯИ всеми странами в регионе, это будет способствовать укреплению доверия, нераспространению ядерного оружия. Если мы не можем создать на Ближнем Востоке зону, свободную от ядерных испытаний, как можно говорить о создании зоны, свободной от ОМУ?

— *Каковы шансы, что Израиль пойдет на это? И почему ратификация ДВЗЯИ не является частью Совместного всеобъемлющего плана действий по Ирану? Тем более что мониторинговая станция ДВЗЯИ на территории Ирана есть, она просто отключена.*

— Когда я виделся с министром иностранных дел России С. Лавровым — а и он, и президент В. Путин являются активными сторонниками ДВЗЯИ — я спросил его: «почему вы в свое время не убедили Сирию, учитывая влияние, которое Россия на нее имела, ратифицировать и подписать ДВЗЯИ?». Хотя Сирия и не фигурирует в списке стран из приложения 2, ратификация ею ДВЗЯИ способствовала бы укреплению доверия, столь необходимого на Ближнем Востоке, и ратификации договора другими государствами. Эта возможность, увы, упущена.

Что касается Ирана, я по-прежнему считаю, что заключение соглашения было прекрасной возможностью, но трудность в том, что не все участники иранской сделки сами ратифицировали ДВЗЯИ. Поэтому им было нелегко вынести этот вопрос на обсуждение, ведь если вы скажете мне, что крыль-

цо моего дома грязное, а при этом у вас самих дома беспорядок, я отвечу: «На себя посмотрите».

Однако сейчас, как мне кажется, настало подходящее время поднять этот вопрос. Ратификация ДВЗЯИ позволила бы Ирану еще раз продемонстрировать, что у него нет намерения нарушать договоренности.

Что касается Израиля, если Иран пойдет на ратификацию, это будет важным шагом по укреплению доверия. В этом случае Израиль мог бы последовать примеру Ирана. Если Израиль и Иран договор ратифицируют, то тем самым будут созданы условия для того, чтобы к ДВЗЯИ присоединились Египет, Сирия и остальные ближневосточные страны.

— Обсуждается ли этот вопрос с иранцами на экспертном или политическом уровне?

— Мы начали обсуждение на экспертном уровне. Иранские эксперты принимают участие в работе технического секретариата ОДВЗЯИ. Они участвуют в решении всех вопросов, касающихся обслуживания и эксплуатации нашей сети. Вы упоминали иранскую мониторинговую станцию. Когда-то Иран предоставлял нам данные. Сейчас, в связи с подписанием СВГД, вопрос подключения станции к общей сети, как и вопрос ратификации ДВЗЯИ, приобрел новую актуальность. Как только утихнет шумиха, я планирую найти возможность посетить Иран, чтобы проинформировать руководство страны о ходе реализации ДВЗЯИ и привлечь их к диалогу на более высоком уровне. Я озвучивал это предложение это в беседе с министром иностранных дел Мохаммадом Зарифом год назад, еще до того, как было достигнуто соглашение по сделке. С тех пор мы не встречались, но надеюсь увидеть его в ближайшее время и обсудить этот вопрос.

— КНДР пока остается единственной страной, проводившей ядерные испытания в XXI веке. Многие считают, что страны Запада слишком цивилизованы, чтобы возобновить ядерные испытания. Однако следует учитывать, что развитие военных ядерных технологий продолжается, просто на смену физическим испытаниям пришло компьютерное моделирование. Как вы думаете, нет ли риска, что по мере развития ядерных технологий западные страны могут захотеть провести еще один раунд ядерных испытаний, чтобы собрать данные для обновления своих компьютерных моделей?

— Знаете, мне нравится ваш подход. Для совершенствования технологий действительно необходимы испытания. В случае вступления ДВЗЯИ в силу присоединившиеся к договору страны не смогут развивать технологии, поскольку, как вы абсолютно верно заметили, компьютерное моделирование требует все больше и больше данных. Таким образом, чем дольше вы отказываетесь от проведения испытаний, тем меньше вероятность того, что используемая вами модель эффективна. Поэтому мы и говорим: давайте введем ДВЗЯИ в действие, чтобы не позволить странам, которые его ратифицировали, совершенствовать военные технологии, чтобы мы могли сконцентрироваться на разоружении. Тогда актуальность наличия и уровня средств сдерживания будет постепенно уменьшаться, ибо ратифицировав-

шие договор страны осознают, что не могут усовершенствовать технологии и находятся примерно на схожем уровне.

— А если разрешить странам из приложения 2 провести еще один раунд испытаний в обмен на последующую всеобщую ратификацию?

— Вы говорите, как дипломат. Возможно, дипломат бы поступил бы именно так, но я, как, прежде всего, ученый, не пошел бы этим путем. Я бы предпочел запретить испытания раз и навсегда. Разговоры о том, что надо позволить всем еще раз провести испытания и тем самым получить достаточно данных для дальнейшего совершенствования технологий, по сути, тормозят процесс, поскольку тогда через пятьдесят лет ядерные страны могут снова сказать: «Нам необходимо провести новые испытания, давайте отступим от ДВЗЯИ и проведем их». Суть в том, чтобы не проводить испытаний вообще. Если кто-то хочет проводить испытания, это значит, что они переживают из-за того, что после вступления договора в силу у них не будет возможности усовершенствовать технологии и компьютерные модели. Поэтому давайте остановимся сейчас.

— В 2016 г. мы отпразднуем 20-ю годовщину ДВЗЯИ. Чего добилась организация и в каком направлении вы планируете двигаться?

— Лучше сказать, отметим. Праздновать я буду, когда смогу добиться ратификации со стороны США, Китая, Израиля, Египта или Ирана или присоединения к мораторию на проведение испытаний ядерного оружия Северной Кореи, Индии или Пакистана. И не к добровольному мораторию, а к имеющему обязательную силу мораторию в рамках данного договора. Именно поэтому мы над этим работаем: любой шаг со стороны Индии, Пакистана, Израиля, Египта, Ирана, США, Китая или Северной Кореи в сторону присоединения к договору станет для меня поводом для праздника.

При этом стоит отметить, что мы хотим, чтобы двадцатая годовщина стала поводом подумать над тем, где мы сейчас находимся. Серьезны ли наши намерения насчет этого договора? Если да, то что мы можем сделать? Никто не ожидал, что двадцатилетняя годовщина начнется с ядерных испытаний КНДР. По сути, Северная Корея заявляет: «Помните, что мы есть». Имея возможность проводить испытания, они создают угрозу вокруг себя: для Южной Кореи, для Японии, Китая, США и любой другой страны, для международного мира и стабильности. Я как-то беседовал с японскими и корейскими студентами, и они спрашивали: «Г-н Зербо, почему вы запрещаете нам проводить испытания, если это может делать КНДР. Зачем мы тогда ратифицировали договор?». Ведь они думают, что мы разрешаем Северной Корее проводить испытания. То, что студенты, завтрашние лидеры, считают, что если одна страна проводит испытания, остальные должны делать то же самое, — это серьезная угроза стабильности в регионе и во всем мире. Именно поэтому вопрос о вступлении ДВЗЯИ в силу является насущным.

— Какая из перечисленных в приложении 2 стран реально могла бы следующей ратифицировать договор?

— Я по-прежнему полагаю, что следующими могли бы стать Израиль и Иран. А, может быть, США или Китай — почему нет? Возможно, они могли бы сде-

лать это вместе. Эти страны могут ратифицировать договор без какого-либо ущерба для себя. Если взять Иран, то выполнение СВПД делает ратификацию договора актуальной.

Что касается Израиля, то что ему терять? А выиграть он может очень много за счет укрепления доверия в регионе. Учтите еще тот факт, что сейчас он получил гарантии того, что Иран не занимается ничем, кроме развития мирного атома.

Что касается США и Китая, президент Б. Обама сделал этот вопрос приоритетным, и его администрация усердно над ним работает. Мы помогаем, чем можем, сотрудники секретариата выполняют очень важную работу, которая позволяет в режиме реального времени обнаруживать подозрительную активность. Это означает, что деньги американских налогоплательщиков тратятся не зря. Я считаю это достаточно веской причиной, чтобы рассмотреть возможность ратификации.

Но, что более важно, сегодня я хотел бы обратить внимание международного сообщества на неустойчивость созданной нами отличной системы. Она неустойчива, поскольку, если договор не вступит в силу, есть риск, что страны начнут выходить из договора и снова проводить ядерные испытания. В этом случае мы потеряем двадцать лет тяжелой работы, пятьдесят–шестьдесят лет переговоров по выработке договора и мечту.

— Будем надеяться, что этот год принесет не только ядерные испытания, но и положительные изменения.

— Именно для этого нам и нужны такие люди, как вы, — чтобы как можно больше людей узнало о важности договора и о том, в каком направлении нам следует двигаться.

